

Э. РАДЛОВЪ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ
О
ФИЛОСОФІИ

Н. Н. СТРАХОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «В. С. Балашевъ и К^о». Фонтанка, 95.

1900.

I.

Въ замѣткѣ о Н. Н. Страховѣ, принадлежащей перу академика К. Н. Бестужева-Рюмина, высказывается вѣрная мысль, что „историкъ литературы, описывая нашу эпоху, отведеть Н. Н. Страхову самое почетное мѣсто, рядомъ съ Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Данилевскимъ“. Теперь, конечно, еще нельзя дать полной и безпристрастной оцѣнки дѣятельности покойнаго писателя, но одно уже теперь вполне ясно: благодаря обширному и всестороннему образованію, а также выдающемуся критическому таланту, Н. Н. Страховъ занималъ въ нашей литературѣ совершенно своеобразное положеніе и въ дѣлѣ, напримѣръ, литературной критики не имѣеть преемника. Необходимо природное дарованіе, воспитанное въ строгой аналитической школѣ, чтобы вышелъ критикъ, равный по силѣ Н. Н. Страхову.

На нижеслѣдующихъ страницахъ мы вовсе не стремимся дать полную оцѣнку Н. Н. Страхова, какъ писателя, а хотимъ лишь отмѣтить нѣкоторыя главныя черты и особенности его мышленія. Полную оцѣнку можетъ дать лишь тотъ, кто совершенно безпристрастно отнесется ко всемъ общественнымъ и литературнымъ движеніямъ послѣднихъ сорока лѣтъ — задача невыполнимая для лица, которое хотя отчасти переживало ихъ или участвовало въ нихъ.

Писательская дѣятельность Н. Н. Страхова продолжалась непрерывно съ 1857 года по 1896 г.; 38 лѣтъ, проведенныхъ въ умственномъ трудѣ, сопряженномъ съ большими нравственными потрясеніями, представляютъ сами по себѣ, независимо отъ оцѣнки, предметъ, достойный уваженія. Но къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ теченіи всей своей дѣятельности Страховъ оставался вѣрою тому направ-

ленію, которое онъ считалъ правильнымъ, которое было сродно его сердцу и навлекло на него много насмѣшекъ, сначала цѣлую травлю, потомъ презрительное замалчиваніе. Все это должно вызвать и въ противникахъ покойнаго признаніе его заслугъ и уваженіе къ его личности, мягкой и симпатичной въ общеніи, лишенной эгоистическихъ чертъ.

Внѣшняя судьба Н. Н. Стрхова, то-есть, его отношеніе къ общественнымъ и литературнымъ движеніямъ и отношеніе литераторовъ къ нему, можно объяснить, какъ кажется, слѣдующими обстоятельствами: большія природныя дарованія его успѣли вполне развиться прежде чѣмъ онъ вступилъ на литературное поприще. Н. Н. Стрхову, когда онъ выступилъ съ первой своей статьей въ „Свѣточѣ“ 1860 г. „Значеніе Гегелевской философіи въ настоящее время“ было 32 года, слѣдовательно главныя черты его міросозерцанія успѣли уже сложиться. До этого времени Н. Н. Стрховъ положилъ основаніе тому солидному научному образованію, которое онъ въ теченіе всей своей жизни пополнялъ, слѣдя за развитіемъ наукъ. Костромская семинарія и главный педагогическій институтъ дали своему питомцу хорошее научное образованіе. Съ 1851 г. по 1857 г. Н. Н. Стрховъ продолжалъ заниматься естественными науками и философіей, доказательствомъ чего служить его магистерская диссертация, защищенная имъ въ 1857 г. („О костяхъ запыляемыхъ млекопитающихъ“) и рядъ статей по методологіи естествознанія, вошедшихъ въ составъ книги, вышедшей лишь въ 1865 г. („О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи“. С.-Пб. 1865). Итакъ, Н. Н. Стрховъ выступилъ на литературномъ поприщѣ съ отличною подготовкою (научною и философскою) и вполне зрѣлымъ человѣкомъ; отъ природы онъ былъ одаренъ задатками, опредѣлившими мѣсто, которое онъ впоследствии занялъ въ русской журналистикѣ. Онъ самъ говоритъ о себѣ, что былъ воспитанъ въ патріотическомъ духѣ, что отъ рожденія былъ патріотомъ и имѣлъ „органическое отвращеніе къ нигилизму“, получившему въ шестидесятыхъ годахъ большую силу. Н. Н. Стрховъ обладалъ не только большими аналитическими способностями, но сверхъ того и истиннымъ тонко развитымъ художественнымъ вкусомъ, проявившемся въ его мѣткихъ сужденіяхъ о поэзии и музыкѣ. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одной чертѣ: именно объ отношеніи его къ религіознымъ вопросамъ; хотя Н. Н. Стрховъ и интересовался религіозными вопросами въ высокой степени и быть

можетъ и правъ его цѣнитель и поклонникъ, который говоритъ, что религіозная идея была центральной въ мышленіи Н. Н. Стрхова¹⁾, однако самъ Н. Н. Стрховъ никогда прямо не высказывался о религіи и лишь косвеннымъ путемъ можно дѣлать заключенія о его отношеніи къ религіи. Н. Н. Стрховъ былъ человѣкомъ крайне осторожнымъ, по возможности избѣгавшимъ всякихъ осложненій и недоразумѣній и посему, вѣроятно, и не высказывался о предметахъ религіи.

Припомнимъ теперь то время, когда Н. Н. Стрховъ выступилъ въ литературѣ. Главныя идеи того времени, правда въ нѣсколько одностороннемъ освѣщеніи, легко подмѣтитъ изъ книгъ самого Н. Н. Стрхова. Н. Н. Стрховъ, въ которомъ анализъ значительно преобладалъ надъ творчествомъ, но который преклонялся передъ творчествомъ, гдѣ бы онъ его ни находилъ, конечно, могъ лишь съ негодованіемъ и презрѣніемъ смотрѣть на критику и литературу шестидесятыхъ годовъ. Хорошіе же порывы того времени, стремленіе къ идеалу, не могли быть оцѣнены Н. Н. Стрховымъ, потому что онъ ясно понималъ, что кромѣ порывовъ ничего въ этой литературѣ нѣтъ и изъ нея ничего положительнаго выйдти не можетъ. Н. Н. Стрховъ явился „единственнымъ трезвымъ среди пьяныхъ“, и весьма понятно, что его слова увѣщанія должны были показаться смѣшными и даже глупыми (какъ прямо называлъ ихъ, на примѣръ, Щедринъ). Лицамъ, которыя были увѣрены, что имъ предстоитъ сломить все старое (въ идеальной, конечно, формѣ) и построить все на новыхъ основаніяхъ. Они не замѣчали, что ихъ критика должна была казаться дѣтскою всякому, кто не вѣрилъ въ ихъ миссію. и когда Н. Н. Стрховъ очень ловко приводилъ ихъ слова къ основнымъ понятіямъ и результатамъ и показывалъ нелѣпость ихъ, то, конечно, долженъ былъ казаться человѣкомъ отсталымъ, вѣрующимъ, въ то, во что никто болѣе не вѣрилъ, и не вѣрующимъ въ прогрессъ.

Дѣйствительно, трудно себѣ представить болѣшій контрастъ въ умственномъ складѣ, чѣмъ тотъ, на примѣръ, который представляли собой Н. Н. Стрховъ и Писаревъ. Идеалы, вкусы etc.—все у нихъ совершенно различно; Н. Н. Стрховъ со своимъ поклоненіемъ Пушкину, Аксакову, съ любовью отдѣлывающій свои ясныя, отчетливые періоды, долженъ былъ казаться смѣшнымъ критикомъ „Современника“. Преклоненіе Н. Н. Стрхова передъ Гегелемъ и вообще передъ нѣмецкимъ идеализмомъ — казалось отсталостью, „переживаніемъ“ въ

¹⁾ *Вопросы философіи*, I, 4.

прогрессирующей литературѣ. И ко всему еще симпатіи къ славянофильству!

Этимъ различіемъ между стремленіемъ литературы въ 60-хъ годахъ и требованіями, которыя къ ней предъявлялъ Н. Н. Страховъ, объясняется его судьба, то-есть, долгій періодъ (первые двадцать лѣтъ литературной дѣятельности) насмѣшекъ и замалчиванія и наконецъ, постепенное приобрѣтеніе, въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ, вліянія, которымъ Н. Н. Страховъ по праву долженъ былъ бы давно уже пользоваться. Поворотъ въ общественномъ мнѣніи по отношенію къ Н. Н. Страхову совпадаетъ съ усиленіемъ консервативныхъ теченій со времени вступленія на престолъ императора Александра III; роковое событіе 1-го марта измѣнило теченіе русской общественной и политической жизни. Писатели, близкіе къ славянофиламъ, какъ, напримѣръ, Катковъ, или сочувствовавшіе славянофиламъ, какъ, напримѣръ, Страховъ, получили совершенно иное значеніе въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Направленіе внѣшней и внутренней политики совпало въ главнѣйшихъ чертахъ съ тѣми идеалами, которыми жилъ Н. Н. Страховъ, такъ что онъ, въ извѣстномъ смыслѣ, оказался теоретическимъ выразителемъ тѣхъ философскихъ принциповъ, которые легли въ основу русской политической жизни. Но и въ этомъ отношеніи о Н. Н. Страховѣ слѣдуетъ сказать, что онъ старался не проявлять творчества (его творчествомъ была критика): онъ просто примкнулъ къ извѣстному направленію, которое пропагандировалъ, выясняя, защищая по мѣрѣ силъ. Въ политическомъ отношеніи выразителемъ идеаловъ Н. Н. Страхова явился Данилевскій, книгу котораго „Россия и Европа“ Н. Н. Страховъ, можно сказать безъ преувеличенія, заставилъ русское общество читать, указавъ на выдающіяся стороны этого труда. Послѣднее время Н. Н. Страховъ не могъ, конечно, жаловаться—и если онъ это дѣлалъ, то лишь по старой привычкѣ—на замалчиваніе, на отсутствіе читателей и т. д. Его книги стали расходиться, онъ приобрѣлъ вліяніе въ кругу читающей молодежи и около него стали группироваться лица, считающія себя его учениками. Стали появляться статьи о Н. Н. Страховѣ совершенно уже иного характера, чѣмъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ; появились прямо-таки апологіи, изъ которыхъ нѣкоторыя навѣрное не порадовали виновника ихъ. Думаю, что Н. Н. Страхову инья похвалы были менѣе по сердцу, чѣмъ тѣ насмѣшки, которыя сыпались на него въ первую половину его литературной карьеры и къ которымъ онъ могъ относиться съ истинно философскимъ спокойствіемъ.

II.

Дѣятельность Н. Н. Страхова, богатая и многосторонняя, можетъ быть разсматриваема съ различныхъ сторонъ, а именно, его можно оцѣнивать и какъ ученаго и какъ литературнаго критика, какъ философа, какъ политическаго писателя, наконецъ какъ полемиста. Ранѣе всего мы остановимся на Н. Н. Страховѣ, какъ на философѣ.

Всѣхъ философовъ можно подраздѣлить на двѣ большія группы, имѣя въ виду не содержаніе ихъ философіи, а отношеніе ихъ къ этому содержанію, а именно: на философовъ-критиковъ, аналитиковъ и на философовъ строителей или синтетиковъ. Примѣромъ для первой группы въ чистомъ ея видѣ могутъ служить скептики, примѣромъ для второй группы—мистики; первые исходятъ изъ правильной мысли, что построеніе можетъ быть твердымъ только въ томъ случаѣ, ежели матеріаль крѣпокъ и соблюдены все законы строительнаго искусства. Но невозможность найдти подходящій матеріаль и возвести изъ него стройное зданіе заставляеть скептиковъ вовсе отказаться отъ построенія. Критика, часто, заканчивается или голымъ отрицаніемъ или же безъисходнымъ субъективизмомъ. Но и въ основѣ убѣжденій строителей мистиковъ находится здравая мысль. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что міръ есть система. Опытъ многихъ вѣковъ, безчисленнаго множества людей подтверждаетъ истинность нѣкоторыхъ научныхъ, частныхъ положеній; если и не всегда удается оправдать эти положенія въ самой глубинѣ ихъ принциповъ, все же научная истинность ихъ отъ этого не страдаетъ и нѣтъ повидимому основанія сомнѣваться въ томъ, что возможно построить воззрѣніе, объединяющее все частныя положенія.

И вотъ начинается постройка системы, при чемъ основаніе ея недостаточно обосновано передъ свѣтомъ разума, покоится на вѣрѣ. Философы всехъ школъ и направленій примыкають и заключаютъ въ себя въ большей или меньшей степени элементы этихъ двухъ указанныхъ направленій, изъ которыхъ каждое имѣетъ несомнѣнное значеніе.

Въ Н. Н. Страховѣ были оба элемента, но въ различной степени, и проявились они съ различною степенью ясности. Онъ не былъ философъ-строителемъ. Онъ не заботился о томъ, чтобы построить полную и стройную систему; но, конечно, его нельзя причислить и къ скептикамъ, онъ болѣе всего заботился о выясненіи основныхъ понятій, о постановкѣ вопросовъ, о критическомъ анализѣ категорій. Онъ началъ съ естествознанія и отъ него перешелъ къ философіи, при чемъ

идеаломъ знанія для него все-таки оставалось естествознаніе. Онъ дорожилъ болѣе всего всестороннимъ оправданіемъ нѣкоторыхъ протѣйшихъ закоповъ физики, въ истинности которыхъ онъ несомнѣвался, понимая ихъ чисто рационалистически. Философія ему служила скорѣе методологическимъ приемомъ, какъ орудіе оправданія естественнонаучныхъ истинъ. Въ этомъ смыслѣ Н. Н. Страхова слѣдуетъ причислить къ философамъ аналитикамъ. Въ идеѣ ему представлялось возможнымъ построение системы съ отбѣнкомъ идеалистическаго пантеизма, но въ сочиненіяхъ его нѣтъ достаточнаго количества данныхъ, чтобы воспроизвести его міровоззрѣніе. Вполнѣ отчетливо выдѣляются его критическіе приемы, анализъ понятій, выясненіе нѣкоторыхъ положеній, но изъ этого нельзя создать цѣльнаго міросозерцанія. Значеніе Н. Н. Страхова, какъ философа, заключается въ его критикѣ, въ томъ, что онъ отвергалъ, а не въ томъ, что онъ строилъ. Построеніе системы должно было казаться ему дѣломъ второстепенной важности, ибо онъ вѣрилъ, что истина найдена, что въ общихъ чертахъ ее можно найти, напримѣръ, у Платона etc. etc.

Въ дальнѣйшемъ мы, руководствуясь его сочиненіями, постараемся изложить защищаемые Н. Н. Страховымъ принципы и выяснить приемы его критики¹⁾.

Не всегда легко установить основныя понятія въ міросозерцаніи Н. Н. Страхова и это потому, что о религиозныхъ своихъ убѣжденіяхъ, занимающихъ весьма видное мѣсто въ его мышленіи, онъ не говорилъ или говорилъ лишь попутно, ad hoc.

Но нѣкоторыя черты тѣмъ не менѣе легко подмѣтить. Самъ онъ говоритъ о своемъ патриотизмѣ²⁾, о своемъ органическомъ отвращеніи къ нигилизму³⁾, о близости къ славянофильству⁴⁾ и о своемъ по-

¹⁾ Изъ сочиненій Н. Н. Страхова мы, главнымъ образомъ, будемъ имѣть въ виду: „Міръ какъ цѣлое“, 2-е изд., С.-Пб. 1892, 8°; „Основныя понятія физиологій и психологій“, С.-Пб. 1894, 8°; „О вѣчныхъ истинахъ“, С.-Пб. 1887, 8°; „Философскіе очерки“, С.-Пб. 1895, 8°.

²⁾ Достоевскій, I изд. 1883 г., I т., стр. 298. Съ дѣтства я былъ воспитанъ въ чувствѣ безграничнаго патриотизма.

³⁾ Ibid., стр. 235. „Могу сказать, что во мнѣ было постоянно какое-то органическое нерасположеніе къ нигилизму и что съ 1855 года, когда онъ сталъ замѣтно высказываться, я смотрѣлъ съ большимъ негодованіемъ на его проявленія въ литературѣ“.

⁴⁾ Ibid., 205. Въ журналистику я вступилъ, сколько помню, съ нѣкоторымъ равнодушіемъ и даже лѣнью, и потому не принималъ большаго участія въ вопросѣ о направленіи. Мысль о новомъ направленіи, однако же, сперва занимала меня, особенно вслѣдствіе вліянія Ап. Григорьева; но очень скоро, можетъ быть,

клоненіи передъ корифеями нѣмецкаго идеализма: Гёте и Гегелемъ¹⁾. Указанныя отношенія нѣсколько уже опредѣляютъ положеніе Н. Н. Страхова. Прибавимъ этому его поклоненіе художественному творчеству Л. Н. Толстого, которое можетъ быть отчасти повліяло и на отношеніе къ религиозно-нравственнымъ сочиненіямъ Л. Н. Толстого. Славянофильство Н. Н. Страхова и его любовь къ естественнымъ наукамъ опредѣлили отношеніе его къ Н. Я. Данилевскому. Наконецъ, прибавимъ къ этому, что Н. Н. Страховъ считалъ себя, какъ критика, особенно близкимъ къ Аполону Григорьеву, первый томъ сочиненій котораго онъ издалъ. Изъ сказаннаго мы видимъ, какія различныя и трудно, повидимому, примиримыя симпатіи и начала жили въ умѣ и сердцѣ Н. Н. Страхова. Но Н. Н. Страховъ старался объединить различное, и это ему удавалось. Три главныя противорѣчія обращаютъ на себя наше вниманіе: славянофильство Н. Н. Страхова и поклоненіе его передъ наукой, философией, вообще просвѣщеніемъ Запада; его религиозность, повидимому, вполнѣ догматичная, православная²⁾, и поклоненіе передъ дѣятельностью Л. Толстого; наконецъ, мистическое настроеніе Н. Н. Страхова, влекущее за собою любовь къ пантеистической и идеалистической нѣмецкой философій, и симпатія къ естествознанію.

III.

Изъ этихъ трехъ коренныхъ противоположностей въ натурѣ и мышленіи Н. Н. Страхова насъ должно занять главнымъ образомъ послѣдняя, и мы постараемся показать, что противорѣчіе тутъ только кажущееся, которое легко можетъ быть объяснено.

по своему нерасположенію къ неопредѣленности, и порѣшилъ, что нужно прямо признавать себя славянофиломъ, когда признаешь существенныя начала этого ученія“. По отношенію къ власти Страховъ держался того же направленія, которое приписываетъ Достоевскому: стр. 228: „Въ отношеніи къ власти онъ всегда твердо стоялъ на той точкѣ, которая такъ ясна и тверда у всѣхъ истинно русскихъ людей. Онъ давалъ полную строгость своему сужденію, но откладывалъ великую мысль о непокорности“.

¹⁾ Достоевскій, I, стр. 273. „Что касается до меня, то я въ литературномъ отношеніи тоже принадлежалъ къ одному изъ направленій сороковыхъ годовъ, но еще болѣе старомъ, чѣмъ литературный кружокъ, о которомъ идетъ рѣчь, къ тому направленію, для котораго верхомъ образованія было понимать Гегеля и знать Гете наизусть“.

²⁾ Такъ какъ Страховъ принимаетъ програму славянофиловъ цѣлкомъ, то, вполнѣ естественно, говорить о его догматичной религиозности.

Самъ Н. Н. Страховъ указываетъ на двойкій источникъ своихъ воззрѣній: первый—математическія и естественныя науки, второй—Гегелевская философія и именно ея метода, которая и есть ничто иное, какъ полное выраженіе научнаго духа ¹⁾). Итакъ діалектическая метода кажется Страхову выраженіемъ научнаго духа, тогда какъ именно въ ней обыкновенно видятъ выраженіе духа антинаучнаго, а въ эмпирическомъ методѣ, напротивъ, видятъ научный путь. Въ извѣстномъ смыслѣ Страховъ признаетъ значеніе эмпирическаго метода „Великая привлекательность эмпиризма состоитъ въ томъ, что каждый эмпирическій результатъ есть настоящее познаніе, такъ какъ предполагается, что онъ не заключаетъ въ себѣ ничего субъективнаго“. Вотъ что далѣе говоритъ Н. Н. Страховъ объ эмпирическомъ методѣ: „Желая быть вполне эмпирикомъ, я долженъ сказать себѣ: я не знаю, какіе есть вообще возможные способы познанія, какіе изъ нихъ выше, какіе ниже, но есть способъ познанія, который я хорошо знаю и котораго я намѣренъ держаться, именно опытъ. Я не намѣренъ ничего отрицать, ничему противорѣчить, не хочу ни въ какой области рѣшать, что возможно и что невозможно; я хочу только добыть всѣ тѣ результаты, которые можетъ дать мнѣ мое орудіе—опытъ“. (Предисловіе къ переводу Тэна „Объ умѣ и познаніи“). „Чисто эмпирическіе результаты не противорѣчатъ и не могутъ противорѣчить никакому умозрительному изслѣдованію, если оно ведется съ совершенною строгостью. Но они безпощадно разбиваютъ всякое построеніе, какъ скоро оно основано на произволѣ и фантазіи“ (ibid.) Страховъ увлекался естествознаніемъ, но въ немъ его привлекало не знаніе отдѣльных фактовъ, а познаніе ихъ необходимой связи съ остальными; цѣль естествознанія представлялась ему какъ нѣкоторое возведеніе вещественнаго міра въ умственный. Такимъ образомъ Страховъ не видѣлъ различія между наукой и философіей, между научнымъ и философскимъ методомъ ²⁾). Эмпирическій методъ имѣетъ свое

¹⁾ Предисловіе къ „Міру какъ цѣлое“ ст. V. „Источникомъ своихъ взглядовъ я считалъ, во-первыхъ, математическія и естественныя науки, которыми тогда занимался и истинный духъ которыхъ усвоилъ себѣ чтеніемъ, размышленіемъ и нѣкоторыми работами... Вторымъ источникомъ своихъ взглядовъ я считалъ Гегелевскую философію,—но не ея ученіе въ какомъ-либо опредѣленномъ видѣ, а только ея методу, которую признавалъ, какъ и теперь признаю, полнымъ выраженіемъ научнаго духа“.

²⁾ Въ отвѣтѣ на рецензію *Гражданина* 1873 г. № 26 ст. 740—744 Страховъ упрекаетъ своего рецензента въ томъ, что онъ не постарался доказать, а просто принимаетъ какъ вещь, само собою разумѣющуюся, что метода натуралистовъ и философская метода Гегеля несовмѣстимы.

значеніе, какъ нѣкоторая ступень, какъ подготовка къ философіи. Эмпиризмъ же какъ возведеніе эмпирическаго метода въ абсолютное направленіе—вотъ источникъ всего зла.

„Эмпиризмъ, отрицаніе умозрѣнія—вотъ разгадка всякихъ остановокъ и ненормальныхъ развитій. Нашъ вѣкъ хочетъ познавать, но упорно отказывается мыслить, какъ будто бы боясь, что мышленіе разрушитъ начала, на которыхъ онъ строитъ свою жизнь и возложить на него слишкомъ трудныя задачи и обязанности. Все значеніе моей книги состоитъ въ томъ, что она идетъ противъ эмпиризма, пытается внести мышленіе въ приемы изученія природы“ (Міръ какъ цѣлое. Предисловіе ко второму изданію, стр. XIX). Этимъ и объясняется гегелизмъ Н. Н. Страхова—идеей рациональнаго естествознанія. Ежели вникнуть въ отношеніе Н. Н. Страхова къ Гегелю, то легко замѣтить, что не одинъ діалектическій методъ привлекалъ Страхова. Говоря о Гегелѣ, какъ о высшемъ выраженіи научнаго духа, Страховъ лишь отчасти имѣетъ въ виду діалектическій методъ, и въ гораздо большей степени самый духъ и сущность Гегелевской философіи, „Всеобщность есть необходимое условіе философіи. Кто не чувствуетъ недовѣрія къ философу, который понимаетъ только себя, только свои собственные мысли и передъ которымъ все остальное мракъ и неразуміе. Полная система должна заключать въ себѣ смыслъ всѣхъ существовавшихъ системъ, должна быть ихъ довершеніемъ, ихъ развитіемъ, а не отрицаніемъ. И въ самомъ дѣлѣ нужно питать какое-то презрѣніе къ человѣческому уму для того, чтобы представить, что онъ заблуждался до нынѣшняго дня—и только сегодня увидѣлъ истину, что философы, великіе представители ума, выдумали свою систему такъ, ни съ того ни съ сего и могли говорить вздоръ отъ первой страницы до послѣдней“.—(Философскіе очерки стр. 12). „Гегель возвелъ философію на степень науки... и если его система должна бороться съ различными мнѣніями, то именно потому, что всѣ эти мнѣнія односторонни, исключительны, что они враждуютъ противъ Гегеля, а не Гегель противъ нихъ. (Ibid. стр. 13). Гегелевская система вышшая, потому что она объединяетъ всѣ и каждой указываетъ мѣсто и роль въ нахожденіи истины. Объединенія Гегель достигъ „волшебнымъ словомъ“—развитіе, имъ впервые произнесеннымъ съ полнымъ пониманіемъ.—И такъ, вотъ въ какомъ смыслѣ возможно понимать гегелизмъ Н. Н. Страхова и его увлеченіе методомъ Гегеля. Если считать Н. Н. Страхова за представителя діалектическаго метода Гегеля, то пришлось бы спросить, въ чемъ же отразилась эта метода на образѣ

мышления Страхова въ его сочиненіяхъ? Онъ самъ отвѣтилъ бы на вопросъ такъ: въ умѣннѣ ставитъ и развивать понятія. Онъ гегелианецъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Съ его точки зрѣнія современное гегелианство очевидно должно смотрѣть на гегелианство сороковыхъ годовъ, какъ на *überwundener Standpunkt*, ибо новое должно искать сообразно съ вновь открытыми частными истинами и новаго объединенія; только самое требованіе объединенія новаго свѣтомъ всего предшествовавшаго развитія знанія и составляетъ самую сущность гегелианства, которое такимъ образомъ есть ничто иное, какъ исторія развитія человѣческаго разума. Это Н. Н. Страховъ и высказалъ весьма ясно въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей. „Ищущій высшей и послѣдней философіи долженъ изучать фикте-гегелевскій идеализмъ и затѣмъ найдти отношеніе этого идеализма къ послѣдовавшей критикѣ и трудамъ послѣдовавшихъ мыслителей, расширять, измѣнять и отрицать, если нужно, его положенія, словомъ развивать его, если окажется у него на то силы. Но основы его сохранить придется, потому что если онъ и не есть сама философія, то во всякомъ случаѣ одно изъ дѣйствительныхъ воплощеній философіи. А по закону развитія въ каждомъ новомъ фазисѣ основы только раскрываются, уясняются, но не измѣняются“¹⁾.

Но еще и въ иномъ болѣе тѣсномъ значеніи слова Н. Н. Страховъ признавалъ себя гегелианцемъ и приверженцемъ діалектическаго метода. Разъясняя сущность опытнаго метода, Н. Н. Страховъ показываетъ, что апіорныхъ элементовъ въ такъ-называемыхъ опытныхъ выводахъ гораздо больше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. „Опытъ ничего абсолютнаго доказать не можетъ: абсолютная истина принадлежитъ только апіорическому, только тому, что можетъ быть доказано безъ опыта. Но опытные изслѣдователи часто думаютъ, что опытъ есть единственный источникъ истины, а потому есть источникъ всякой истины. Поэтому, они иногда приходятъ къ смѣшной попыткѣ доказывать опытомъ абсолютность какого-нибудь вывода. Въ этомъ случаѣ, когда берутся подтвердить на опытѣ то, чего никакой опытъ дать не можетъ, очевидно забываются границы опыта, и ему приписывается значеніе, котораго онъ не имѣетъ“²⁾. Н. Н. Страховъ постоянно указываетъ на тѣ апіорные элементы, тѣ категоріи, которые принадлежать нашему мышленію и примѣненіе которыхъ къ даннымъ

¹⁾ О задачахъ исторіи философіи. Фил. очерки, стр. 480.

²⁾ Миръ какъ цѣлое. 2 изд. Стр. 485—486.

воспріятія создаетъ опытъ. Эти категоріи очевидно не случайны, и связаны между собой строеніемъ нашего мышления, которое въ наукѣ проявляется очень ясно. „Каждая наука имѣетъ свою метафизику. то-есть она вноситъ въ свои изслѣдованія нѣкоторый апіорическій взглядъ на предметъ, которымъ она занимается,—она заранѣе опредѣляетъ сущность своего предмета и старается подтвердить это опредѣленіе, распространить его все дальше и дальше. Только такимъ или подобнымъ образомъ наука и можетъ двигаться впередъ, ибо движеніе безъ цѣли для ума невозможно.“

Такимъ образомъ происходитъ, что такъ называемыя опытные и наблюдательныя науки никогда не имѣютъ чисто опытнаго и наблюдательнаго вида, а всегда болѣе или менѣе облачаютъ свои результаты въ предвзятую форму... Но въ каждой наукѣ рано или поздно наступаетъ или должно наступить время, когда ея метафизика становится для нея недостаточною или стѣснительною. Именно,—современемъ окажется, что *сущность* вещей лежитъ гораздо *глубже*, чѣмъ какъ полагала а ргіогі кака-нибудь наука. Въ такомъ случаѣ приходится бросить ея старую метафизику и внести въ нея новую, которая бы не стѣсняла ея движеній и открывала ей новые пути и задачи. Такъ это и дѣлается, при чемъ обыкновенно старая метафизика бываетъ упорно защищаема привычными къ ней учеными, а новая долгое время принимается за смѣлую гипотезу. Въ такихъ случаяхъ, для разрѣшенія споровъ и недоразумѣній, весьма полезно было бы изложить факты и выводы науки въ совершенно чистой опытной формѣ, такъ чтобы была устранена всякая метафизическая примѣсь, чтобы свидѣтельство опыта не заключало въ себѣ ничего апіорическаго... со времени Канта сущность метафизики обнаружилась, кажется, передъ нами до конца; мы можемъ узнать ее, какія бы видоизмѣненія она ни принимала, какъ бы она ни утончалась и ни пряталась. Поэтому можно ожидать, что настанетъ время, когда метафизика будетъ вовсе изгнана изъ наукъ, то-есть изъ нихъ будутъ изгнаны всякія попытки воплощать сущность вещей въ тѣ или другія частныя формы. Тогда апіорическій элементъ, эта душа каждой науки, будетъ имѣть видъ не метафизики, а *діалектики*¹⁾.

Мы выписали эти замѣчательныя мысли для того, чтобы показать, что Н. Н. Страховъ противопоставляетъ въ извѣстномъ смыслѣ мета-

¹⁾ Миръ какъ цѣлое. 2 изд. стр. 518—520.

физику діалектикѣ, и что подъ діалектикой онъ понимаетъ не совсѣмъ то, что разумѣлъ подъ этимъ названіемъ творецъ ея, Гегель. Метафизикой Н. Н. Страховъ называетъ предварительное опредѣленіе сущности предмета, которое должно уступить мѣсто иному опредѣленію, болѣе глубокому и правильному, а самый путь перехода отъ одного метафизическаго воззрѣнія къ другому, путь необходимый, обусловленный природою нашего мышленія, Н. Н. Страховъ называетъ діалектикой. „Діалектикой я называю“, говоритъ онъ, „субъективную логику, то-есть науку въ которой мысль опирается только на самую себя, въ которой она излагаетъ всѣ свои законы и движенія и даетъ абсолютный методъ своего дѣйствія, заключающій въ себѣ всѣ другіе методы, какъ частные случаи“¹⁾.

Разъясняя природу діалектики, Н. Н. Страховъ настаиваетъ на слѣдующихъ положеніяхъ: „Мысль иначе относится къ себѣ самой, чѣмъ къ другимъ предметамъ, такъ какъ мысль сама себя мыслить.

Мысль сама собой управляетъ, то-есть свободно подчиняется своимъ внутреннимъ законамъ.

Невозможно разсматривать мысль на ряду съ объективными предметами.

Невозможно разсматривать міръ такъ, чтобы въ это воззрѣніе не входилъ такой (то-есть субъективный) взглядъ на мысль.

Но изъ этого взгляда слѣдуетъ, что возможна логика какъ наука чистой мысли“²⁾.

Въ этомъ разъясненіи нѣтъ ни одной мысли, которая специально могла бы быть приписана Гегелю и не раздѣлялась бы равномерно всѣми представителями нѣмецкаго идеализма и даже, болѣе, идеализма вообще. Этого опредѣленія діалектики, даннаго въ 1866 г., Н. Н. Страховъ держался и въ концѣ своей жизни. Въ 1893 г. онъ пишетъ: „Что такое логика Гегеля? Это такая же таблица категорій, какъ у Канта, но расширенная и доведенная до полноты. Кантъ взялъ свои категоріи изъ формальной логики, какъ нѣчто данное, Гегель же уже считалъ для себя яснымъ самый принципъ образованія категорій, ихъ отношеній и распаденій, и потому составилъ полную и стройную ихъ систему. Задача Канта была рѣшена въ томъ самомъ духѣ, въ которомъ онъ ее поставилъ“. И далѣе: „Для опытнаго глаза по нѣсколькимъ страницамъ видно, умѣетъ-ли авторъ ста-

¹⁾ Главная черта мышленія. Философ. очерки, стр. 114.

²⁾ Тамъ-же, стр. 122.

вить и развивать понятія, идетъ-ли его мысль діалектически или же не имѣетъ опредѣленнаго пути“¹⁾.

Изъ приведенныхъ выписокъ ясно, что Н. Н. Страховъ, который чрезвычайно высоко цѣнилъ правильное, методичное мышленіе, видѣлъ въ апіористическомъ элементѣ „душу каждой науки“, что эмпирическому методу онъ постоянно напоминалъ о необходимомъ присутствіи въ немъ апіорныхъ элементовъ, что подъ діалектикой, въ которой онъ видѣлъ правильный путь развитія человѣческаго ума (иногда просто „опредѣленный путь“), онъ не разумѣлъ въ специальности гегелевской діалектики, а методологическое направленіе, свойственное всему нѣмецкому идеализму вообще; и наконецъ, если онъ и упоминалъ о гегелевской діалектикѣ—никогда впрочемъ, не вдаваясь въ болѣе детальное ея разсмотрѣніе—то только потому, что въ ней видѣлъ весьма удачный примѣръ осуществленія „субъективной логики“.

Итакъ и въ этомъ второмъ отношеніи Н. Н. Страховъ былъ гегелианцемъ не въ смыслѣ ученика, принимающаго всѣ положенія учителя, готоваго *jugare in verba magistri*, но въ смыслѣ послѣдователя, совершенно свободно относящагося къ своему единомышленнику.

Но въ Страховскомъ міросозерцаніи была еще одна черта, которая его сближала съ Гегелемъ и ставила къ нему въ болѣе близкую связь, чѣмъ методологическія соображенія, и то обстоятельство, что гегелизмъ объединялъ собой все предшествовавшее развитіе философіи,—черта, которую Н. Н. Страховъ не подчеркивалъ, но которая играла существенную роль.

Одинъ изъ критиковъ²⁾, близко стоявшій къ Н. Н. Страхову, указалъ, какъ намъ кажется совершенно правильно, на то, что религиозные интересы составляютъ центральную точку въ міросозерцаніи Н. Н. Страхова. Онъ ихъ не выставлялъ на показъ и говорилъ о религіи только гдѣ это было неизбѣжно. Въ воспоминаніяхъ о поѣздкѣ на Афонъ читатель только по тону совершенно объективнаго описанія догадывается о настроеніи автора. Въ статьяхъ, написанныхъ въ защиту Л. Н. Толстого, въ поясненіи его религиозныхъ сочиненій, ясиѣ всего обнаруживается интересъ Н. Н. Страхова къ церковной и религиозной жизни. Выпишемъ нѣсколько строкъ изъ „Фраг-

¹⁾ Философ. очерки, стр. 471—472.

²⁾ Розановъ, „Вопросы философіи“. Книжка 4, второй отдѣлъ, стр. 13.

цузской статьи (г. Вогюэ) о Л. Н. Толстом⁴. „Почему же этот процесс, приведший великаго художника къ Богу, почему онъ не встрѣчаетъ полнаго сочувствія со стороны французскаго критика. Это сомнѣніе, это исканіе—что можетъ быть естественнѣе? Не тѣмъ ли и поражаетъ насъ Толстой, что величайшая пылливость и серьезность чувствуется во всемъ, что онъ ни изображаетъ. Эти рыданія алчущаго сердца, которыя подслушалъ критикъ въ картинахъ, написанныхъ съ такой несравненной яркостью и пылкостью, ужели на все, что она испытываетъ въ жизни? И наконецъ, порывъ къ Богу есть, безъ сомнѣнія, единый правильный исходъ изъ всей борьбы (стр. 461)... Вместо того, чтобы въ новомъ появлении (то-есть, въ религиозномъ творчествѣ Толстого) увидѣть жизненность и силу этого элемента души, вмѣсто того, чтобы съ жадностью слѣдить за новымъ раскрытіемъ этого элемента, мы напередъ рѣшаемся ничего не видѣть, кромѣ того, что давно уже знаемъ. Еще хуже: мы не знаемъ и не хотимъ хорошенько знать этого стараго, но напередъ вѣримъ, что оно навсегда пережито человѣчествомъ, навсегда уже мертво, а потому и самое живое совершенное явленіе признаемъ по аналогіи мертворожденнымъ“... „Наши понятія о христіанствѣ такъ сжузились, что мы не опознаемъ его, когда оно является намъ не вполнѣ въ привычныхъ формахъ, что мы не умѣемъ представить себѣ, какъ оно можетъ превышать всякій буддѣйскій и обще-арійскій духъ, не потому, что отрицаетъ ихъ безусловно, а потому, что объемлетъ ихъ собою и доводитъ до настоящей полноты и опредѣленности... Мы ищемъ религіи, Европа ее ищетъ; мы чувствуемъ эту глубочайшую потребность и ждемъ, что откуда-то придетъ восполненіе этого мучащаго насъ недостатка, что оно должно когда-нибудь придти, что такъ насъ недостатокъ, что оно должно когда-нибудь придти, что такъ жить, какъ мы теперь живемъ, нельзя. Говоря образно, но совершенно опредѣленно, это можно выразить такъ: мы ищемъ Бога и не находимъ Его; Богъ отъ насъ скрылся, и мы въ тоскѣ ждемъ, когда Онъ вновь намъ откроется... Не Богъ скрылся отъ насъ, а мы упорно отворачиваемся отъ Бога. Еслибы не это упорство, то мы легко нашли бы Его, потому что Онъ вездѣ и всегда. И еслибы мы сколько-нибудь знали путь къ Богу, то для насъ открылась бы великая поучительность во всѣхъ религиозныхъ формахъ, въ которыя человѣчество облакало и облакаетъ свое вѣковѣчное стремленіе. Тогда и мистицизмъ, лучшій цвѣтъ этого стремленія, не пугалъ бы насъ, и можетъ быть мы согласились бы съ давнишнимъ положеніемъ, что

всякій истинный христіанинъ есть мистикъ (иногда безсознательный), хотя бы при этомъ отвергали обратное положеніе, по которому и всякій мистикъ (сознательный) есть истинный христіанинъ“ (477—481). Въ этихъ мысляхъ, высказанныхъ по поводу Л. Н. Толстого, Страховъ, конечно, главнымъ образомъ желаетъ изобразить смутное настроеніе современнаго образованнаго общества, но въ нихъ ясно видно и настроеніе самого автора. Онъ сочувствуетъ стремленію Л. Н. Толстого, онъ убѣжденъ, что стремленіе къ божеству и лучшій цвѣтъ его, мистицизмъ, составляютъ самый важный элементъ человѣческой души, а самое важное дѣло для человѣка и мыслителя состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за новымъ раскрытіемъ этого элемента, за новымъ появленіемъ порыва къ божеству. Всѣ религиозныя формы, въ которыя человѣчество облекло свое вѣковѣчное стремленіе, имѣютъ великую поучительность, ибо представляютъ собою путь, которымъ человѣчество приближалось въ своемъ познаніи къ Богу. Это та же самая мысль по отношенію къ религиознымъ формамъ, на которую мы уже указали нѣсколько ранѣе въ примѣненіи къ философскимъ ученіямъ. И здѣсь, очевидно, Н. Н. Страховъ представляетъ себѣ возможность нѣкотораго объединенія религиознаго сознанія при посредствѣ идеи развитія, какъ и въ сферѣ философіи. Жизнь религіи, сущность которой заключается въ мистикѣ, и состоитъ въ этомъ развитіи, а самое страшное для религіи это равнодушіе, индифферентизмъ, поэтому Н. Н. Страховъ говоритъ о Толстомъ: „Еслибы онъ даже впалъ въ ересь, то это было бы въ тысячу разъ лучше, чѣмъ то мертвенное равнодушіе и отчужденіе, съ которымъ мы относимся къ религіи“. „Православной богословской науки вообще еще не начиналось“, говоритъ Н. Н. Страховъ словами Гилярова-Платонова, но въ то же самое время онъ увѣренъ, что „религія есть дѣйствительная душа нашего народа и святой человѣкъ—его высшій идеалъ“. Но кому не напрашивается сравненіе этихъ мыслей съ нѣмецкимъ идеализмомъ и въ особенности съ Гегелевской философией¹).

Всѣ представители нѣмецкой философіи: Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель получили богословское воспитаніе и отъ богословія перешли къ философіи, теологическій элементъ въ ихъ мышленіи

¹) О вѣчныхъ истинахъ, стр. 256. „Есть старинное ученіе, что та же дверь, которая ведетъ въ глубину нашего сердца, ведетъ и въ область божественныхъ силъ“.

игралъ весьма важную роль, сущность религіи они точно также видѣли въ мистицизмѣ; главное стремленіе ихъ состояло въ томъ, чтобы сочетать раціоналистическое познаніе съ мистической интуиціей. Гегелевская система представляетъ наиболѣе смѣлое и совершенное сочетаніе раціонализма и мистицизма и въ этомъ отношеніи служила Н. Н. Страхову какъ бы примѣромъ удачнаго рѣшенія той задачи, которая и ему представлялась наиболѣе важной и существенной въ жизни.

Изъ всего вышеприведеннаго видно, что связь между мышленіемъ Н. Н. Страхова и гегелевской философіей многообразная, но не слишкомъ тѣсная. Н. Н. Страховъ видѣлъ въ Гегелѣ завершеніе, объединеніе всего философскаго движенія, въ діалектическомъ методѣ онъ видѣлъ попытку систематизаціи апріорныхъ элементовъ мышленія, наконецъ, по основному настроенію, по стремленію сочетать религиозный мистическій элементъ со строгой теоріей, съ разумомъ, у Н. Н. Страхова было много общаго съ Гегелемъ, вотъ почему онъ могъ себя называть гегелианцемъ, намъ же слѣдуетъ считать его приверженцемъ нѣмецкой идеалистической философіи вообще, а не гегелианцемъ въ спеціальности. „Нѣмецкій идеализмъ“, говоритъ Н. Н. Страховъ „порожденъ не только англійскимъ мистицизмомъ, но и реформаціей, не только догматизмомъ Декарта, Спинозы и Лейбница, но и великой революціей, онъ есть полнѣйшее проявленіе новой исторіи, новаго европейскаго духа“¹⁾. Этими словами Н. Н. Страховъ указалъ и на объединяющую роль нѣмецкой философіи, и на соединеніе въ ней религиознаго элемента съ раціоналистическимъ.

IV.

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть раціонализмъ и мистицизмъ Н. Н. Страхова. Первые элементы, то-есть, раціоналистическіе, указать гораздо легче, чѣмъ вторые, о которыхъ онъ говоритъ лишь попутно, въ то время какъ первые онъ подробно разбираетъ. О вторыхъ элементахъ рѣчь идетъ тамъ, гдѣ Н. Н. Страховъ упоминаетъ о границахъ раціонализма. Страхову пришлось вести три крупныхъ полемики: со спиритами, съ дарвинистами, и съ противниками славянофильства; у него повидимому были всѣ данныя для того, чтобы вести правильную полемику, онъ интересовался только предметомъ спора,

¹⁾ О методѣ естественныхъ наукъ, стр. 75.

старался понять своего противника, не приписывать противнику мнѣній, ему не принадлежащихъ, старался схватить существенное въ возраженіяхъ, опуская мелочи, личное; онъ считалъ полемику дѣломъ полезнымъ и важнымъ— „полемика есть прежде всего діалектика“, и все-жъ къ концу своей жизни онъ вѣроятно разочаровался въ полемику и убѣдился, что она рѣдко ведетъ къ выясненію истины. Полемика Н. Н. Страхова съ Бутлеровымъ и проф. Вагнеромъ изъ-за спиритизма для насъ особенно интересна, ибо раціонализмъ Н. Н. Страхова въ ней обнаруживается съ полной ясностью. На спиритизмъ Страховъ смотритъ чрезвычайно серьезно. „Это полный и величайшій переворотъ въ человѣческихъ познаніяхъ, во всемъ развитіи человечества, переворотъ, общающій устранить, наконецъ, тотъ разладъ въ понятіяхъ и стремленіяхъ, отъ котораго мы такъ мучительно страдаемъ“⁴⁾. Но, конечно, спиритизму не удастся устранить этого разлада, ибо „невозможно принять новыхъ познаній, не отрицая старыхъ“; „оказалось, что наши науки тверже и совершеннѣе, чѣмъ думаютъ спириты, ... и если въ насъ не угаснетъ жажда иныхъ понятій, то намъ, очевидно, нужно искать другаго источника для ея утоленія“... „Насъ неудовлетворяетъ подведеніе явленій подъ раціональныя формы, и мы враждуемъ противъ мысли о полной раціональности мысли. Но гдѣ искать выхода? Никакого выхода изъ раціонализма не можетъ существовать внутри самого раціонализма... На пути знанія поворотъ невозможенъ... нужно отказаться отъ своихъ желаній или отказаться отъ самой науки... Все дѣло въ томъ, чтобы найти нѣкоторую другую пищу для ума, не нужно отказываться отъ науки или пытаться ее разрушить и передѣлать, а слѣдуетъ научиться отъ одной умственной дѣятельности переходить къ нѣкоторой другой, очевидно, высшей. Если мы найдемъ приемы этой новой дѣятельности, опредѣлимъ ея связь и всѣ отношенія къ научнымъ формамъ мысли, то эти формы не только не будутъ намъ мѣшать, но будутъ даже способствовать удовлетворенію глубочайшихъ запросовъ нашей души“... „Одно познаніе по существу дѣла не должно мѣшать другому; закрывая по временамъ глаза, мы не только не имѣемъ нужды отказываться навсегда отъ зрѣнія, а напротивъ, только въ живомъ воспріятіи свѣта можемъ найти полное удовлетвореніе своей жажды созерцанія“... „Горе намъ, если мы вообразимъ, что раціонализмъ есть единственное истинное познаніе, и что мы будемъ

⁴⁾ О вѣчныхъ истинахъ, стр. XXVIII.

тѣмъ мудрѣе, чѣмъ крѣпче станемъ закрывать глаза“. Изъ приведенныхъ выписокъ видно, что Н. Н. Страховъ признаетъ два рода познанія: раціональное, и второй родъ, который мы можемъ назвать интуитивнымъ; раціональное познаніе относится къ вѣдѣнному объективному міру, въ которомъ оно отыскивается связь и форму явленій; установка этой связи зависитъ отъ апріорныхъ понятій, отъ категорій, свойственныхъ нашему разуму. Интуитивное познаніе покажетъ намъ душу явленій, ихъ глубокую жизнь и силу. Недостаточность раціональнаго познанія и граница его показаны очень ясно, менѣе опредѣленно описаны свойства интуитивнаго познанія. Въ спорѣ со спиритами Н. Н. Страховъ защищаетъ весьма ясную и отчетливую точку зрѣнія раціонализма. Онъ хочетъ только „дать почувствовать, что есть и могутъ быть физическія истины несомнѣныя, какъ аксіомы математическія, и что слѣдовательно, говоря о вещественныхъ явленіяхъ, мы въ извѣстныхъ случаяхъ можемъ совершенно точно различить возможное отъ невозможнаго“ Это защита раціонализма противъ научнаго нигилизма, съ которой мы встрѣчались уже раньше. „Еслибы всѣ наши истины были только обобщенными фактами, только эмпирическими истинами, тогда дѣйствительно все было бы возможно? Наука имѣетъ непреложныя истины, но наука не объемлетъ того, что для насъ всего важнѣе, всего существеннѣе, не объемлетъ жизни. Вѣтъ науки находится главная сторона нашего бытія, то, что составляетъ нашу судьбу, то, что мы называемъ Богомъ, совѣстью, нашимъ счастьемъ и достоинствомъ. Все это не гдѣ-нибудь далеко отъ насъ, не за предѣлами звѣздъ, а все это вокругъ насъ прямо передъ нами, во всемъ этомъ мы движемся и существуемъ какъ въ прямой стѣнѣ нашей жизни. Потому не только созерцаніе этихъ предметовъ въ дѣйствительности, не только высокія отраженія ихъ у великихъ мыслителей и художниковъ, а даже иной плохой романъ, иная грубо придуманная сказка могутъ заключать въ себѣ болѣе общедоступный и сильный интересъ, чѣмъ превосходнѣйшій курсъ физики или химіи“. „Положенія науки вполнѣ или отчасти формальныя, которые потому и справедливы всегда и безусловно, что не захватываютъ собой сущности вещей“ (стр. 57). Сущность вещей—духовное начало, оно не есть физическая сила, духъ и физическая сила суть понятія несомнѣнныя, не имѣющія ничего общаго. „Съ успѣхами естественныхъ наукъ мы все больше и больше узнаемъ, что такое духъ не есть“ (стр. 127).

Итакъ, въ сочиненіи „О вѣчныхъ истинахъ“ Страховъ поста-

рался выяснитъ природу раціонализма въ духѣ гегелевской философіи, показать, что постепенное открытіе такихъ вѣчныхъ истинъ есть непремѣнный элементъ каждой науки. Онъ указалъ также и на границу раціонализма, но втораго пути, ведущаго къ постиженію духовнаго начала онъ не разъяснилъ, это составляетъ задачу другаго его труда: „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физиологіи“.

Для выясненія природы духа и познанія его Страховъ беретъ знаменитое Декартовское положеніе *cogito ergo sum* и толкуетъ его. Въ разсужденіяхъ Декарта, истинность которыхъ нашъ авторъ признаетъ, онъ видитъ однако „не какой либо окончательный выводъ или же готовое ученіе, а только чрезвычайно ясную и отчетливую ступень, черезъ которую долженъ пройти каждый, кто разсуждаетъ о душѣ“ (стр. XIII). Вещество есть чистый объектъ, то-есть, нѣчто вполнѣ познаваемое, но ни мало не познающее, духъ напротивъ есть чистый субъектъ, то-есть, нѣчто познающее, но недоступное объективному познанію, духъ не имѣетъ въ себѣ ничего вѣдѣннаго, въ немъ все внутреннее, субъективный и объективный міры строго разграничены, но второй служитъ для выраженія перваго (стр. 29). Только чисто объективный міръ есть настоящее поприще человѣческаго познанія (стр. 34); но и психическія явленія могутъ быть объективированы, слѣдовательно они могутъ составить предметъ нѣкоторой науки, то-есть, эмпирической психологіи. Самая существенная черта психическихъ явленій состоитъ въ раздвоеніи каждаго изъ нихъ на субъектъ и объектъ. Это раздвоеніе мы называемъ сознаніемъ“ (стр. 57). Наше я—субъектъ, который никакъ и никогда не можетъ стать объектомъ; эмпирическая психологія ошибается, подводя наше я подъ то понятіе, подъ которымъ разсматриваетъ всѣ другія изслѣдуемыя ею явленія, то-есть, подъ понятіе идеи, представленія. Благодаря этому невозможна теорія познанія: „Всѣ такъ называемыя теоріи познанія въ концѣ концовъ приходятъ къ отрицанію того понятія, которое они хотятъ построить и объяснить. Именно всѣ онѣ стремятся объективировать процессъ познанія, объективировать его совершенно такъ, какъ само познаніе объективируетъ другіе процессы и явленія. Но объективировать объективизацію невозможно по самой сущности дѣла, точно такъ какъ глазъ не можетъ видѣть самого себя, какъ нельзя видѣть свѣта, если свѣтъ есть именно то единственное средство, помощью котораго мы видимъ. Многія попытки создать теорію познанія можно вполнѣ уподобить тому, какъ если бы живописецъ задумалъ написать картину, которая сама бы себя видѣла“ (стр. 74 —

75). „Какъ тѣ, которые пытаются построить познание изъ объективированныхъ душевныхъ явленій, напримѣръ, изъ ощущеній... ни къ чему не придутъ кромѣ субъективизма, который въ сущности есть отрицание познания(?). Какія бы явленія внутреннего міра мы ни взяли, и какъ бы мы ихъ ни комбинировали, мы все-таки останемся во внутреннемъ мірѣ, который, какъ мы знаемъ, есть вѣчто пустое и ложное по отношению къ дѣйствительности“ (стр. 76). Реальность чувствъ состоитъ въ томъ, что они пріятны и непріятны, и это свойство не можетъ быть объективировано. Воля тоже объективирована быть не можетъ „изъ всѣхъ чертъ душевной жизни воля наименѣе доступна объективации“ ¹⁾ (стр. 82). „Итакъ истина, благо и свободная дѣятельность суть понятія, стоящія выше объективныхъ формъ познания, требующія какъ бы особаго рода мышления и въ тоже время непрестанно намъ присущія, составляющія главное содержаніе нашей духовной жизни“. Этихъ понятій ни откуда нельзя вывести. „Жизнь души есть для насъ непосредственнѣйшая дѣйствительность. Самое важное въ психологіи это различіе между субъектомъ и объектомъ и далѣе различіе между субъективнымъ и реальнымъ значеніемъ явленій, и кто не понялъ этого различія какъ слѣдуетъ, тотъ, сколько бы ни разсуждалъ, будетъ мыслить и говорить лишь о вещахъ касающихся души, но не о самой душѣ“.

Мы достаточно подробно, при томъ словами самого Страхова, изложили его основныя понятія психологіи. Теперь мы можемъ сдѣлать нѣкоторые выводы, должествующіе характеризовать философію Н. Н. Страхова. Припомнимъ, что Страховъ различаетъ двоякое познание: рациональное и то, которое мы назвали интуитивнымъ; первое устанавливаетъ формы и связь явленій, оно апіорно и совершенно формально, въ немъ не отражается сущности бытія, но въ тоже время оно и есть настоящее познание; объектъ его — внѣшній міръ. Очевидно, однако, что оно призрачно; Страховъ усердно указывалъ на границу рационализма, на неудовлетворительность его, и слѣдовательно мы вправѣ ожидать, что интуитивное познание намъ дастъ, наконецъ, не явленіе, а дѣйствительное, настоящее бытіе. Хотя между рациональнымъ познаниемъ и интуиціей и существуетъ разница и даже въ извѣстномъ смыслѣ противоположность (феноменальнаго и ноуменальнаго), но Страховъ

¹⁾ Непонятно, какъ это почтенный философъ въ небытіи нашелъ еще степени сравненія. Вѣдь всѣ явленія сознанія неспособны, по его мнѣнію, къ объективации—тутъ, очевидно, не можетъ быть рѣчи о большемъ и меньшемъ.

оговаривается, наставляя на томъ, что это только двѣ ступени одного и того же познания, которое, слѣдовательно, можетъ быть объединено; послѣ всего этого мы вправѣ ожидать разъясненій относительно того, какъ понимаетъ Страховъ интуицію. И что же мы узнаемъ? Мы узнаемъ, что психическія явленія въ извѣстномъ смыслѣ могутъ быть объективированы и слѣдовательно могутъ быть познаны, но что субъектъ, наше я, наше сознаніе, есть то, что никакъ и никогда не можетъ быть объектомъ, и слѣдовательно не можетъ быть и познано; что къ нему непримѣнимы никакія категоріи внѣшняго міра. „Жизнь души есть непосредственнѣйшая дѣйствительность“. Этимъ и исчерпывается все наше познание о дѣйствительности, о реальномъ бытіи. Это положеніе невольно вызываетъ критику. Неужели же всѣ попытки построения теоріи познания ни къ чему не приведутъ? — Вѣдь это осужденіе всей новѣйшей философіи и главнымъ образомъ того направленія, приверженцемъ котораго считаетъ себя самъ Страховъ. И это потому, что субъектъ никогда не можетъ быть объектомъ? Да зачѣмъ же субъекту становиться объектомъ, это конечно не мыслимо и не нужно. Но не можетъ ли субъектъ стать *объектомъ познания*? Не владаетъ ли нашъ авторъ самъ въ объективацию, когда выставляетъ свое отрицательное положеніе, противопоставляя субъектъ объекту, какъ два равноправныхъ начала; естественно представлять себѣ объектъ, какъ познаваемый міръ, а субъектъ, какъ міръ непознаваемый, то-есть, противопоставать два равноправныхъ, хотя и различныхъ міра; между тѣмъ нѣмецкая идеалистическая школа не напрасно утверждала, что субъектъ есть дѣятельность, а объектъ ея результатъ; здѣсь нѣтъ равноправности и противоположности; нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, чтобы субъектъ, какъ дѣятельность, сталъ бы предметомъ нашего познания; хотя само собою разумѣется, что субъектъ не можетъ быть познаны какъ предметъ, какъ результатъ дѣятельности; ибо онъ вовсе не есть предметъ, а — дѣятельность. Не впасть ли Страховъ въ ту ошибку, относительно которой онъ самъ такъ часто предостерегалъ читателей, то-есть, не подвелъ ли онъ субъектъ подъ категорію, подъ которую его подвести нельзя. Субъектъ есть дѣятельность (само собою разумѣется не физическая сила или физическая дѣятельность) и дѣятельность субъекта можетъ быть всецѣло познана.

По представленію Страхова въ результатѣ познания должна оставаться непознаваемая сущность можетъ быть тождественная съ непознаваемымъ субъектомъ, а можетъ быть и отличная отъ него — объ

этомъ авторъ ничего не говоритъ. Внѣшній міръ познается нами только формально, слѣдовательно самая сущность его остается непознанной, субъектъ же, въ которомъ заключается дѣйствительность, не можетъ быть познать, а лишь пережить, непосредственно созерцаемъ. Въ этомъ противоположеніи субъекта объекту, феноменальнаго міра—реальному кроется зародышъ дуализма, который Страховъ могъ бы устранить, сославшись на тожество непознаваемого въ объективномъ мірѣ и не могущаго стать объектомъ, но непосредственно созерцаемаго въ субъектѣ; въ такомъ случаѣ Страховъ долженъ былъ бы устранить дуализмъ и въ своей теоріи познания. Нельзя было ссылаться на то, что всякая теорія познания представляетъ собой безнадежное предпріятіе, когда различаешь двоякаго рода познание, то-есть, когда самъ даешь основы теоріи познания. А въ какомъ же отношеніи стоитъ интуиція къ рациональному познанию? Гдѣ границы того и другаго? Страховъ говоритъ только, что это ступени одного познания; но вѣдь въ болѣе подробномъ (хотя все жъ далеко не достаточно подробномъ) описаніи этихъ родовъ познания выходитъ, что они противоположны на столько же, на сколько противоположны внѣшній и внутренній міръ, и какъ ихъ соединить въ одно цѣлое—этого невидно. Вѣдь очевидно, что и въ разумномъ познании интуиція играетъ роль, а въ интуиціи можетъ быть есть элементы мыслительной дѣятельности. Гельмгольцъ, напримѣръ, котораго Страховъ такъ высоко цѣнитъ, показалъ, что воспріятія нельзя понять, не допустивъ въ немъ элементовъ сужденія. Все это остается у Страхова невыясненнымъ; можетъ быть онъ считалъ излишнимъ выясненіе подробностей, придавая значеніе лишь общей постановкѣ вопроса и самымъ общимъ положеніямъ, но это слѣдуетъ признать недостаткомъ въ томъ случаѣ, ежели между общими принципами не установлено согласія или не указанъ по крайней мѣрѣ путь, какимъ образомъ такое согласіе можетъ быть установлено.

Изъ двухъ элементовъ, указанныхъ и рассмотрѣнныхъ нами, рационализма и мистицизма, первый разработанъ полнѣе, чѣмъ второй. Страховъ съ любовью останавливается на ходѣ развитія наукъ, на методахъ, на анализѣ понятій и лишь очень поверхностно описываетъ характеръ созерцательнаго познания. Очевидно, что здѣсь тѣснѣйшая связь между этимъ пробѣломъ въ теоріи познания и отношеніемъ Страхова къ религіознымъ вопросамъ, о которомъ мы упомянули. Религія чрезвычайно его интересовала, но о религіозныхъ вопросахъ онъ не писалъ, не потому ли, что въ дѣйствительности рационализмъ

въ Страховѣ господствовалъ надъ мистицизмомъ, что мистицизмъ былъ для него областью, которую онъ хорошо понималъ и цѣнилъ, но въ которой онъ чувствовалъ свое безсиліе. Эта область, столь тѣсно связанная со всякимъ истиннымъ творчествомъ, была предметомъ постоянного вниманія и тщательнаго изслѣдованія Страхова, поэтому то онъ такъ чутко слѣдилъ за всякими новыми движеніями въ жизни образованныхъ людей востока и запада—но зналъ, что здѣсь приемы аналитическаго мышленія не примѣнны, что готовый результатъ можно, конечно, разлагать на части, устанавливая связь ихъ съ другими элементами; но что самое *возникновеніе*, само творчество ускользаетъ отъ анализа. Приемовъ, съ которыми въ этомъ случаѣ нужно приступить къ дѣлу, онъ не описалъ.